

ДУХ ВОИНА-ПОБЕДИТЕЛЯ

Учебное пособие для воспитания юношей

Анищенков Владимир. Александр Суворов. Воспитание солдата. — М. : Держава, 2021. — 64 с.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ДЕРЖАВА" вышла книга, подготовленная Синодальным отделом Московского Патриархата по взаимодействию с Вооружёнными силами России. В предисловии епископ Бронницкий Савватий пишет: "Воспитать война это значит воспитать в его характере перспективные пути, по которым придёт его завтрашняя победа. Евангельская цитата "Победа, победившая мир — Вера наша!" станет понятна, если знать, что под "миром" Евангелие понимает "похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую", которые становятся препятствием на пути к достижению всякой цели". В своём размышлении о внутренней силе России владыка Савватий отмечает: "Западной цивилизации свойственно искать "образ будущего" потому, что в прошлое смотреть порою стыдно. Восточная опирается на прошлое потому, что не видит определённости в будущем. Русская цивилизация — это не Запад и не Восток. Россия всегда опиралась на вечное. И если Россия сегодня и в будущем не будет искать вечного, она перестанет быть собой".

Академик Академии военных наук, генерал-полковник Валерий Петрович Баранов в своём предисловии к книге пишет об Александре Суворове: "За 55 лет военной службы он принял участие почти в семидесяти крупных сражениях и боях и благодаря своей собственной подготовке и созданной им военной системе не проиграл ни одного. Его "Наука побеждать" и сегодня является основой, фундаментом наших уставов, наставлений, учебников по тактике, оперативному искусству и стратегии".

Владимир Анищенков указывает на то, что суворовская система воспитания уже два с половиной столетия прокладывает своим adeptам путь к достижению вершин воинского искусства. Полководцы, овладевшие этим сложнейшим искусством, являются учениками Суворова, независимо от времени, их разделяющего. Армия, пропитанная суворовским духом, способна одерживать победы в любых обстоятельствах. Судьба самого Александра Васильевича есть наглядный пример воплощения в жизнь его идей, ведущих к победе. При этом важно отметить, что собственный путь солдата он начал с самовоспитания, с книг, прочитанных в детстве, со службы в казарме.

Казарменная жизнь сблизила молодого Суворова с простыми солдатами. Позволила понять их мировоззрение, чаяния — понять душу русского солдата. Это позволило ему в дальнейшем быть единомышленным со своими подчинёнными, помогало доносить свои намерения до самого сердца солдатского. Что, в свою очередь, делало и солдата, и офицера сподвижниками своего командира. Это внутреннее единство удествляло силы суворовских полков.

В ДАЛЬНЕЙШЕМ, создавая свою особую систему воспитания, Суворов старался сочетать творческое отношение к военному делу с точным исполнением обязанностей. Хорошо известен случай, в котором он проявил себя образцовым службой. Однажды, когда он стоял на посту возле императорского дворца, по саду прогуливалась Елизавета Петровна. Она приметилла солдата, который лихо отдал честь, приветствуя императрицу. Узнав, что он сын генерал-аншефа Суворова, она достала серебряный рубль и предложила принять в подарок. "Не могу, — ответил часовой, — на посту запрещено принимать деньги". "Молодец, — ответила императрица, — службу знаешь". Положив монету на землю, она добавила: "Возьми, солдат сменишься".

Все обретенные знания Суворову нужны были не сами по себе, а для боевой жизни. Уже первые суворовские победы были одержаны при численном превосходстве противника. Но умелый манёвр, стремительность исполнения и упорство при достижении цели позволяли ему побеждать не числом, а умением.

После Семилетней войны, в которой молодой офицер проявил себя настоящим храбрцом, Александр Васильевич был назначен командиром Суздальского пехотного полка. За несколько лет его подчинённые превратились в настоящих чудо-богатырей. Тогда же начала складываться суворовская теория воинского искусства, призванная сделать его войска всепобеждающими.

Суворовская методика основывается на понимании души (психологии) русского солдата. Она развивает его сильные качества и нацеливает на искоренение недостатков.

Сильными сторонами русского солдата Суворов считал стойкость, способность переносить самые тяжёлые испытания. Они были вырабатаны в народном характере веками упорного труда при неблагоприятных климатических условиях. Взаимовыручка происходила из общинного уклада жизни. Природная смеливость развивалась необходимостью находить правильные решения в меняющихся обстановке при помощи подручных средств.

Великий русский полководец А.В. Суворов прекрасно понимал силу самосознания и воодушевлял своих воинов: "Мы — русские, и потому победим. Мы — русские. Какой восторг!"

Со временем выработанные при подготовке войск методики были собраны в уставное собрание "Полковое (Суздальское) учреждение".

Особенно ярко проявились воинские навыки русского войска, руководимого Суворовым, в противоборстве с армией Османской империи, которая в то время была одной из крупнейших мировых держав, раскинувшейся на три континента: Европу, Азию и Африку.

Победы, одержанные суворовскими чудо-богатырями над османами при Козлудже, Кинбурне, Рымнике, Фокшанах и взятии неприступной крепости Измаил вошли в анналы наиболее выдающихся побед в мировой военной истории.

Возглавляемые им войска дважды успокаивали волнения в Польше, входившей в то время в состав Российской империи.

Окончательный вид книга, которую мы называем "Наука побеждать" приняла в 1795 году в Тульчине, когда Суворов был главнокомандующим армией юга России. Этот военный катехизис, собравший весь опыт великого полководца в простых и ясных формулировках, сохранил свою актуальность до сегодняшнего дня. Книга состоит из двух частей: "Вахтпарад" и "Разговор с солдатами их языком".

Александр Васильевич хорошо понимал, что солдату необходимо давать те знания, которые помогают действовать в боевой обстановке. И добивался, чтобы они были усвоены прочно. При этом поощрялось развитие сме́тки и находчивости, развивалась уверенность в себе. При встрече с непредвиденными обстоятельствами в бою это помогало принимать нужное решение собственным разумом и на основании личного опыта. Суворовского солдата не пугали никакие неожиданности, поскольку он был к ним заранее подготовлен. Полководец стремился к тому, чтобы каждый солдат знал свой манёвр, умел действовать в любых обстоятельствах. Опытный воевода наставлял: "Солдату надлежит быть здорову, храбру, твёрду, решиму, правдиву, благочестиву".

Суворов был убежден в том, что "безверное войско учить, что перепорелое железо точить". Для поднятия боевого духа он призвал молиться: "Молись Богу — от Него победа".

В ЕНЦОМ полководческого гения Суворова стали Итальянский и Швейцарский походы против революционной армии Франции. За несколько месяцев была освобождена вся северная Италия. Указом Сардинского короля Карла IV главнокомандующий союзной русско-австрийской армией Александр Васильевич Суворов-Рымникский был возведён в княжеское достоинство с титулом "Кузен короля". Император Павел Петрович написал по этому поводу Суворову: "Через сие вы и мне войдёте в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию, потому что владетельные особы между собою все почитаются роднёю". И возвёл Александра Васильевича Суворова "в знак признательности перед целым светом" в достоинство князя Российской империи с титулом "Италийского".

Представить себе, каким образом русская армия смогла пройти через Швейцарские Альпы, ведя непрерывные бои с армией противника, невозможно. Но это была реальность. Реальность, похожая на фантастику.

Стальной характер, колоссальный военный опыт, знание солдата, способность воодушевить войска на совершение невозможного и беззаветная вера самих войск в своего предводителя стали залогом славной победы. Это было проявление высочайшего воинского искусства, вышших возможностей человека.

За беспримерный по трудности и героизму поход император Павел Первый присвоил Александру Васильевичу Суворову высшее воинское звание: Генералиссимус всех Российских войск. "Ставя вас на высшую степень почестей, — писал в рескрипте император, — уверен, что возую на неё первого полководца нашего и всех веков". В беседе с Расстричьим император добавил: "Другому этой награды было бы много. Суворову — мало. Ему быть ангелом".

В деревенях Пеню Паник, где закончился беспримерный поход, установлено множество памятных досок, повествующих о русском фельдмаршале А.В. Суворове. Местные жители почитают раба Божия Александра покровителя здешней церкви.

Великому триумфатору готовился в Санкт-Петербурге подобающий приём. Однако за время пути до столицы отношение к нему резко изменилось. Внятного объяснения этой перемене нет до сих пор. Ясно одно — такая личность, как Суворов, имела значение не только чисто военное, но и геополитическое. Вероятно, Александр Васильевич стал жертвой идеологической войны, которая велась уже тогда. Великий русский полководец, победивший во всех сражениях и завоевавший сердца большинства европейцев, стал живой легендой, прославляющей Россию. Как и Юрий Гагарин в XX веке. Для антироссийской пропаганды он был крайне нежелателен. В бою Суворова пуля не брала, его убила интрига. И без того подорванное здоровье стало стремительно ухудшаться. Суворов исполнил последний долг христианина и простился со всеми. Его мысли теперь были обращены к Богу: "Долго гонялся я за славой — всё мечта. Покой души у Престола Всевышнего". 6 мая 1800 года земные дни великого полководца окончились.

Погребальную процессию сопровождало всё население Петербурга, от мала до велика. Император Павел с приближением проба снял шляпу. Из его глаз капали слёзы. На кладбище Александр-Невской лавры надгробного слова сказано не было, но, когда зазвучал спалом "Живый в помощи Вышнего", многие зарыдали. Отдавая воинские почести великому полководцу, зазвучали залпы из орудий и ружей. Родина прощалась со своим великим сыном.

На надгробной плите были выгравированы имя и даты жизни. Оказалось, что день рождения был записан с ошибкой, и тогда оставили простую надпись: "Здесь лежит Суворов". Этого достаточно, чтобы, прочитав эти слова, затрепетало каждое русское сердце.

В "НАУКЕ ПОБЕЖДАТЬ" Суворов призвал, прежде всего, погрешать свою немощи и воспитывать Дух Победителя. Ещё до сражения суворовский солдат уже побеждал в сердце своём. Оставалось только воплотить эту уверенность в реальной битве. Этот нравственный закон у суворовцев срабатывал всегда.

Полководческий талант суворовского уровня — редкое явление в истории. Но генералиссимус А.В. Суворов оставил своим потомкам учение, которое способно утратить силы солдата и воспитать неистребимый Дух Воина-Победителя!

Владимир ТЯТИН

Чванов Михаил. Вышедший из бурана. Книга Бытия. — М. : Вече, 2020. — 768 с.

С НЕКОТОРОЙ ТРЕВОГОЙ подступаясь к книге, которую автор писал почти сорок лет. Да, видишь внушительный объём, предчувствуешь грандиозность замысла, сложность сюжета, предвидишь десятки глубоких образов, но всё же почему такой долгий путь? Наверняка что-то томило, тяготило, рождало сомнения. Может быть, книга не получалась и в итоге не получилась: автор спорил с собой, с собственными идеями и перегорел, за эти сорок лет прожил целую жизнь, начинал работу одним человеком, а завершал уже другим, в ином возрасте и, став зрелым, не узнал себя самого прежнего, не согласился с самим собой. А может быть, получалось, но в результате не получилось: шло хорошо, затягивало, замысел разрастался, сюжет разветвлялся, но, так бывает, написал последнюю страницу, последнее предложение, поставил точку, отошёл на некоторое расстояние от сделанного, посмотрел отстранённо, по-читательски, и увидел, что ничего не вышло, всё рассыпается, разбегается.

С такими опасениями открывал я этот роман. Но, прочитав, с радостным сердцем понял: книга получалась и получалась. Автор с полным творческим правом обнаруживал её.

ИМЯ ЕМУ — ИВАН

О романе-эссе Михаила Чванова

Объёмная, долгая, потому что, действительно, "Книга Бытия", новая эпопея в русской литературе: человек в водовороте истории. Вся жизнь автора, все его мысли, всё, прежде написанное им, стремило к этой книге, вливалось в неё, как реки в море. Верю, что Михаил Чванов напишет ещё много. Но всё это теперь будет с оглядкой на "Книгу Бытия" как на вершину, которую покорил. Но после вершины путь продолжается, по-прежнему влечёт горизонт.

Роман-эссе — так определил жанр книги сам автор. Если поэтов годы клонят "к суровой прозе", то прозаиков — к публицистике. Даже в художественном всегда будет нескрываеое публицистическое. Так "Дневник писателя" проникал в романы Достоевского. Так, "Жизни Клима Самгина" Горького говорили не люди, а идеи. Так, последние повести Валентина Распутина похожи на философские размышления, скреплённые сюжетом. Зрелый прозаик не гонится, как в молодости, за яркой метафорой, за словом, преобладающим повседневному языку, — это приходит уже само собой, от мастерства, от утраченного наития. Главное в зрелости — идея, высказанная порою лобово, без старательной сюжетной подводки, но чётко, плотно, густо, без воды и тумана.

Роман Чванова — это преимущественно монологи и диалоги. В них спор зёков советских лагерей превращается в учёный диспут, разговор влюблённых может обратиться в лекцию по русской истории, беседа с монахом или странником — в притчу. Герои будут по памяти цитировать объёмные фрагменты из философских трактатов и древнерусских рукописей. Читатель, хорошо знакомый с творчеством Чванова, узнает в романе его прежние эссе об Аксакове, о Табынской иконе Божьей Матери, ушедшей в изгнание в Гражданскую войну с атаманом Дутовым в Китай, и её следы затерялись во время так называемой культурной революции. На страницах романа присутствуют Януш Корчак, директор детского дома в Варшаве, добровольно пошедший в газовую камеру вместе со своими воспитанниками; немецкий философ Вальтер Шубарт, беззаветно любящий Россию, предсказывающий её особую духовную роль в будущем мироустройстве планеты и сгинувший без вести в советском концлагере; вторящий Вальтеру Шубарту великий норвежский учёный Фритьовф Нансен; замечательный русский поэт Василий Наседкин, расстрелянный на Лубянке в 1938 году. В романе всё это сплотится в особую вселенную, расцветёт "садом ослепительных планет", каждая судьба будет нанизана на единую ось времени. И читатель примет такой принцип повествования: в нынешнюю изголодавшуюся по идеям пору мысль для него важнее и нужнее эстетики.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ романа — Иван. Он проходит через весь русский XX век: от Гражданской войны через лагерь, Великую Отечественную, снова лагерь, Афганистан, Перестройку, убийство Красной империи к присоединению Крыма, с которого начинается не календарный, но фактический XXI век. На пути Ивану встречаются эски и вертухаи, крестьяне и профессора философии, бюрократы и мечтатели, предатели и герои, грешники и святые. Иван осилит этот путь в столетие, потому что был многолик. Иван Лыков — узник фашистских и советских лагерей, колымский пленник, в трагической безысходности во время окружения Второй ударной армии в страшном Мясном бору сменивший фамилию, но не предавший вероисповедства, ставший Надеждиным, даровавший надежду грядущим поколениям своего рода. Иван — сын Ивана, покинувший Колыму, родительские могилы ради восстановления родового села близ Великого Новгорода. Другой Иван, ставший в постриге монахом Зосимой: ещё живя в мире, ещё в детстве он уже был немирным, был "иваногланетянином", художником с извечной русской тоской по Высокому Небу; в конце романа он уходит в Китай смертным путём Табынской иконы вмести с умирающими в пути десятками тысяч беженцев, в надежде найти её и вернуть тем же смертным путём, потому как считает, что, пока она не

вернётся в Россию, Россия будет метаться в поисках своего будущего. Другой русский Иван — митрополит Петербургский и Ладжский Иоанн (Снычёв) — русский утешитель среди непрестанных скорбей, русский проводник и вчитель в непроглядном море 90-х годов, тот, кто собрал на себя все силы тьмы, принял на себя их удар, заслонил Отечество. Книга посвящена известному лагерному сидельцу, золотоискателю и предпринимателю Вадиму Иванову-сыну Туманову — не тонущему в воде, не горящему в огне, поправшему льва и змия, одолевшему блеск золотого тельца сиянием золотых куполов, за колючей проволокой возродившему древнюю форму естественного хозяйствования — русскую старательскую артель, что невозможно было сделать на воле. Он готов на переломе судьбы России проложить её новый путь, взвалить на свои плечи её заботы, за что его снова попытались загнать за колючую проволоку. Когда на него было заведено очередное уголовное дело уже при новой "демократической", ельцинско-гайдаровской власти, на пути которой он встал, на вопрос журналиста следователю, ведающему его дело: "Вы хоть знаете, кого снова пытаетесь загнать за колючую проволоку?", тот ответил: "Знаю. Ему быть бы премьер-министром, он вытянул бы страну из болота, в которое её завели. Но у меня заказ..."

Эти Иваны, порой идя одновременно, рядом друг с другом, чаще же передавая друг другу эстафету истории, осилили путь длиною в столетие. В их лицах и ликах явлен извечный

ЕСТЬ ТАКОЕ богословское понятие: "теодицея" — "оправдание Бога". Через него пытаются объяснить, как при всеблагой божественной воле в мире возможно зло. Так вот роман Михаила Чванова — это "Россия-дицея": размышление над тем, почему спасительница всего мира Россия так часто попирает саму себя. Почему русский человек — душа, совесть, сила всего мироздания — порою неудержимо срывается в бездну? Почему мы, всегда сплочённые перед внешним врагом, бываем так разобщены в собственном доме и вместо того, чтобы наконец навести в нём порядок, раскисляемся на партии и секты, не знаем удержу, если брат пошёл на брата? В чём разгадка, оправдание, вселенская необходимость русского человека, русской души, русской истории?

Дьявол с Богом борется, а поле битвы — Россия. "Русские — это не национальность, это — судьба" — вслед за русскими мыслителями прошлого утверждает Михаил Чванов. Русский всецеловек противостоит сверхчеловеку и античеловеку. Смысл русской земной истории — "преобладание добра над злом". И только когда добро торжествует, возможно стяжание Царствия Небесного. В этом и есть смысл России, а значит и смысл каждого русского человека. "Временное торжество зла Бог попускает, чтобы люди на личном опыте узнавали пагубность отклонения от Истины и сознательно возвращались к ней".

Борьба со злом — всегда путь. Священник и учёный Павел Флоренский, который в жизни и на страницах книги даже после расстрельной пули продолжал поддерживать людей, оказавшихся на краю бездны, однажды сказал: "Надо идти впереди века, даже если веж идёт назад". Только тогда есть возможность выправить лукавый путь. Россия — одновременно разведка, авангард и щит мира.

А дорогу торит Иван. Им движет сретенье, жажда встречи, надежда на то, что из непроглядного бурана выйдет незнакомец, укажет, может быть, не самый лёгкий и короткий, но верный путь, уймёт буран, развеет ненастье. Кто этот незнакомец? Быть может, ты сам, только в ином возрасте? Ты думал, что ты услыша навсегда, но нет. Оказывается, она по-прежнему длится; оказывается, существует одновременность жизни и ничто в ней не умирает, не растворяется в небытии. Где-то в разных концах земли живут одновременно твои и детство, и старость; в назначенный срок они сойдутся, чтобы ты обрёл вечность.

Может быть, незнакомец — твой пращур: он старше тебя на столетие или даже несколько столетий. Он так долго искал тебя, считался по всем русским временам и пространствам, так долго ждал твоего рождения. И вот дождался. И теперь, как Симеон Богоприимец, может почить со спокойным сердцем.

Может быть, вышедший из бурана — Адам, изгнанный из Рая. Когда в мир прокрался грех, померкло солнце, вымерз райский сад, сквало льдом жидконосные источники, весь мир превратился в студёную Колыму. Но по Адамовым следам ты найдёшь путь к потерянному раю, любовью и надеждой, жертвенным искуплением растопишь его, наполнишь теплом.

Может быть, навстречу движешься вопль с золотом, ладаном и смиром. Он отстал от своих спутников и теперь торопится, нагоняет. В мгlistом небе он указывает тебе путеводную звезду — ты не запутаешься, не погибнешь.

А может быть, встречный — Он сам. Тот, кто и в буране невидим и "от пули неведим". Поступь Его — надснежная: спешит за ним, не потеряй из виду Проводника. Вон, уже и солнце проглянуло.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Катасонов Валентин. Антиутопии: литературные фантазии или проектирование будущего? — М. : Наше Завтра, 2021. — 666 с. 16+

ЖАНР АНТИУТОПИИ насчитывает уже немало лет, хотя и достаточно молод по сравнению с утопиями. Если утопия — это образ будущего, желаемого с точки зрения автора, то антиутопия, напротив, рисует картину возможного будущего с целью предостеречь от такого развития истории, как-то противодействовать ему. Впрочем, так бывает не всегда. Порою сложно сказать, что за текст перед нами: действительно антиутопия или некий проект. Может статься, что за вывеской антиутопии кроется некое знание; некоторые авторы проявляют в отношении вполне реального будущего такую прозорливость, что закрадывается подозрение: не причастны ли они сами к его проектированию?

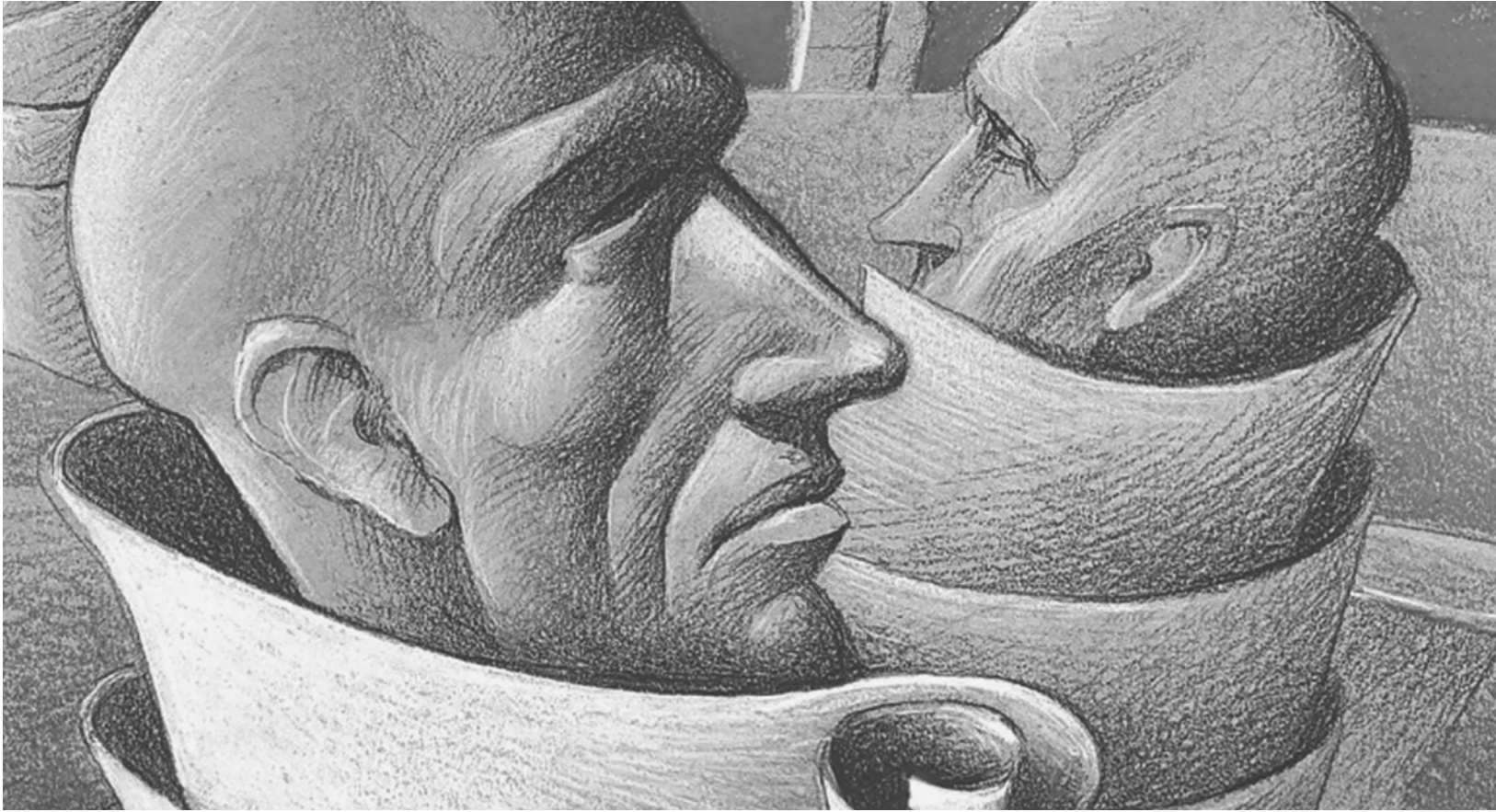

Иллюстрация к роману Замятин «Мы». Художник С. Дергачёв.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Книга Валентина Катасонова об антиутопиях

Известный экономист и системный аналитик Валентин Катасонов разбирает в своей книге художественные произведения, которые лишь условно можно объединить по принципу принадлежности к жанру антиутопии: "Легенду о великом инквизиторе", входящую в состав романа Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы"; "Мы" Е. Замятин; "О дивный новый мир" О. Хаксли; "1984" Дж. Оруэлла; а также тексты Дж. К. Джерома, Э. Форстера, К. Чапека, Г. Уэллса и Р. Браздери. Также в книгу включены сюжеты, вообще не имеющие никакого отношения к беллетристике, в частности, анализ "творчества" известного идеолога глобализма Ж. Аттали.

Из перечисленных выше авторов Достоевского уж точно не назовёшь "проектантом". Упоминутая "Легенда", как и всё его творчество, — это великое пророчество, грозное предостережение, к сожалению, как теперь мы знаем, не услышанное его современниками и их потомками. Достоевский в полной мере уловил главную суть историко-метафизической проблемы, отражаемой в антиутопиях: находятся люди, кто, причисляя себя к "элитам", полагает, что вправе определять будущее для всего человечества, диктовать свои условия самой истории. Так называемые элиты — это всегда замкнутый в себе орден, претен-

дующий на эзотерику, некое тайное знание; это знание полагается в основу утопии, навязывается остальному человечеству. Валентин Катасонов показывает, что "эзотерики" эти смыкаются с хозяевами денег, ведь без финансирования никакая революция, никакое насильственное преобразование мира невозможно.

Устами "русского инока" Алёши Карамазова, брата Ивана, Достоевский раз и навсегда формулирует суть всей этой "эзотерики", лежащей в основе любой утопии. Тайна твоего инквизитора очень проста, говорит он брату. Он просто не верует в Бога, вот и всё. В действительности, однако, часто приходится говорить не о примитивном неверии, но скорее о богоборчестве. Утописты — как бесы: веруют и трепещут. Именно богоборчество, сознательное противление Божиему замыслу о мире и человеке лежит в основе утопического "счастья", предлагаемого инквизитором и его преемниками остальному человечеству. Ибо это ложное счастье предлагается в обмен на свободу. Но поскольку стремление к свободе, а также (как следствие) — к творчеству и развитию самим Богом заложено в человека, то утописты-инквизиторы ставят своей целью создать нового человека, которому эти стремления были бы неуживательны.

Поскольку в утопиях упраздняется, так сказать, традиционный человек, как он задуман Богом, с его свободным стремлением к высшему, то понятно, что при всей демагогии, которой это прикрывается, в человеке укрепляется, как бы консервируется состояние греха; при этом само понятие греха изгоняется из сознания вовсе. Грех в утопиях разрешён, лишь бы человек не вспомнил о своём призвании быть с Богом, вложенном в него самим Творцом.

В **УПОМЯНУТЫХ** антиутопиях мы видим три практических варианта, три способа "переделки" человека. В романе Е. Замятин "Мы" эта цель достигается с помощью операции на мозге, сходной с лоботомией. В "О дивном новом мире" О. Хаксли для этого используется искусственная биологическая селекция и наркотики. В романе Дж. Оруэлл "1984" — выработка "правильного" сознания с помощью страха и изощрённых пыток плюс "промывание мозгов при помощи СМИ, массовой культуры и примитивных развлечений. Понятно, что в "дивном новом мире", устраиваемом утопистами, нет места таким традиционным общностям, как семья и Церковь.

В романе "1984" главное преступление, которое может совершить человек, — это даже не по-

литический протест (на такое там давно никто не решается), а анакомыслие, называемое "мыслепреступлением". Катасонов приводит высказывание собеседника Ленина Г. Уэллса, бывшего, как известно, не только писателем, но и весьма высокопоставленным и информированным английским разведчиком, из его книги "Открытый заговор" (The Open Conspiracy): "Политический мир Открытого заговора должен ослабить, поглотить и вытеснить существующее правительство, стерев их с лица земли. Открытый заговор является естественным наследником социализма и коммунизма, которые были его эфемеризмами; он может установить контроль над Москвой ещё раньше, чем захватит Нью-Йорк". Из чего видно, что известная беседа с Лениным была вызвана отнюдь не досужим писательским интересом...

Однако крайне ошибочным было бы утверждать, что упомянутые антиутопии содержали в себе лишь "обличение" социализма и коммунизма; такой взгляд следовало бы признать слишком узким. Они имеют универсальное и общеем мировое значение, будучи сегодня не менее актуальными, чем в 20-е–40-е годы прошлого столетия. В заключительной части своей книги автор как бы возвращается от анализа беллетристики к своей основной профессии прикладного аналитика и обращается к "творчеству" одного из главных идеологов Римского клуба Жака Аттали. И он, и З. Бжезинский, и К. Шваб, и А. Печчеи, и другие их коллеги-единомышленники не раз за последние годы высказывали сожаление в связи с тем, что переделка (перестройка, перезагрузка) современного мира пробуксовывает, идёт не так быстро и слаженно, как им хотелось бы. Слшком сильной оказалась в людях инерция традиции, сила пассивного сопротивления тому насилью над естественной жизнью, которое содержит в себе глобалистские утопии. Поэтому идеологи глобализма столь активно и настойчиво в последние десятилетия пытаются использовать для окончательного успеха своей антихристианской утопии современные средства электронного контроля, именуемые в народе "электронным (или цифровым) концлагерем". Сегодня тотальное внедрение этих средств Всемирная организация здравоохранения лукаво прикрывает необходимостью борьбы с ковидом. Анализ самых последних событий, связанных с эпидемией "COVID-19", приведённый в заключительной части монографии В.Ю. Катасонова, придаёт ей почти кричащую актуальность.

Книга профессора Катасонова об антиутопиях — бесспорно, весьма значимое событие; она уже вошла в число незаурядных прикладных исследований, безжалостно и очень точно вскрывающих подлинную подноготную глобалистского проекта.

Владимир СЕМЕНКО

Реклама

Книгу можно приобрести

в День-магазине: +7 (499) 350-17-79,

почta@den-magazin.ru, день-магазин.рф